

Новосибирский государственный университет экономики и управления
ул. Каменская, 56, Новосибирск, 630099, Россия
E-mail: irina-lapova@yandex.ru

МАРГИНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК – НОВЫЙ ТИП ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В данной статье автор выдвигает предположение, что существует прямая взаимосвязь между явлениями маргинализации человека и урбанизацией как мировым процессом. Оба эти феномена стали новыми вызовами XX в. и по уровню интенсивности распространения и по масштабу охвата. В результате роста городов и их значимости в жизни человека, формирования новых форм расселения традиционные ценности заменяются временными и мультикультурными образцами. Нивелирование стабильной социокультурной основы приводит к исчезновению духовных и поведенческих ориентиров, необходимых для успешного самоопределения индивида. Обозначив три основных условия успешной самоидентификации человека (ощущение причастности к социальности, наличие структуры, осмысленность жизни), автор анализирует их статус в мире постмодерна. Акцент ставится на сравнение самоопределения в традиционной культуре (характерной для традиционных общественных форм) и процесса идентификации в городской культуре с ее ориентацией на мобильность и новаторство. Результат последней – состояние маргинальности урбанизированного человека, как отсутствие социокультурной укорененности в обществе постмодерна.

Ключевые слова: урбанизация, маргинализация, городская культура, постмодерн, самоопределение, самоидентификация, маргинал, маргинальный человек, город, традиционное.

The content of this article is presupposition that there are direct connection between Marginalization of human and Urbanization of the world. Both of the processes – Marginalization and Urbanization – are becoming challenges of XX century with its intensification and universality. As a result of city growth, forming of new types of urban culture settings, traditional values are being transformed to temporary and multicultural forms. Disappearing of stable socio-cultural basis leads to the absence of spiritual and behavioral orientations that influence self-identification process of individual. Beginning from the pointing of three main conditions for successful socio-cultural self-identification of any individual (sense of community, sense of structure and comprehension of life), the author analyses it in postmodern reality. The focus is made on comparing traditional forms of social and cultural identification process (that is a character of small cities and traditional communities) and identification in city culture with orientation on mobility and innovations. The net result of the last identification form is marginal spirit of urbanized human. Hence, pervasive «rootlessness» is taking possession of postmodern society, generating nation of marginals.

Keywords: urbanization, Marginalization, urban culture, postmodern, self-identification, marginal, marginal man, city.

«Эра пустоты», «культура нарциссизма», «эпоха индивидуализированного общества», мир «третьей волны», время постмодерна, постинформационная стадия (подробнее об этом см.: [6; 13; 3; 8; 5; 11]) – далеко не законченный список определений сегодняшней реальности социальными мыслителями наших дней. Несмотря на различные акценты и академическую базу упомянутых работ, можно, тем не менее, обозначить ряд общих черт, характеризующих мир современного человека: персонализация человека, в результате чего – атомизация общества, возникновение новых форм социальных отношений, смена (вплоть до нивелирования) идеологием – общественных и политических,

исчезновение единого ценностного поля, плюралистичность искусственной среды обитания человека. Несомненно, что все перечисленные признаки являются не просто теоретическими предположениями, но отражают реалии окружающей действительности. В связи с многообразными качественными и беспрецедентно скорыми изменениями в мире в целом, границы и формы социокультурной среды, в которой вынужден самоопределяться современный человек, не всегда четко обозначены. Однако, по мнению автора, именно новое качество города как социокультурного пространства доминирующей массы человечества сказывается на формах его самореализации и идентификации.

А. Вебер очень точно проводит границу между городом и деревней, утвердив ставшую к тому времени очевидной для всех истину следующими словами: «Городская жизнь может и не производить гениев, но она приводит мыслителей в соприкосновение между собой... Гений часто рождается в деревне, но он проявляется и развивается в городе» [2].

Город, представляя собой наиболее сложное социальное и культурное пространство, еще со времен Античной Греции стал рассматриваться как явление передовое, уникальное и задающее содержательно новый цивилизационный формат. На протяжении всей истории Европы постепенно формируются городская ментальность и культура, генерирующие отличные от традиционной культуры ценности и установки, а также формирующие качественно новый тип человека – «городского». Однако с конца XIX в. развитие промышленного производства, принципиально новый технический уровень, пространственная концентрация населения, новые структуры и образцы городской культуры, интеграция и дифференциация ее элементов приводят к урбанизации – росту значимости городов, а также появлению сложных городских образований, формирующих качественно новые тип отношений, образ жизни, культуру людей.

В городе формируется среда, открытая для новых измерений, путей самореализации, что отличает ее от сельской формы жизни с ориентацией на воспроизводство традиции и природных ритмов как необходимого условия для выживания. Если вырабатываемые на протяжении долгого времени формы деревенской жизни обеспечивали человека стабильностью и гарантией сохранности и эффективности сложившихся механизмов существования, то в более сложном и дифференцированном городском пространстве становится невозможным воспроизведение традиционных стереотипов поведения, общественное регламентированное мнение утрачивает свою общепризнанную авторитетность. В то время как в условиях значительной замкнутости и небольших размеров сельской общины у человека формировалась базовая ориентация на следование сложившимся образцам поведения, сохранению изначально фиксированного места каждого члена общины в социаль-

ной структуре, у человека городского расширяется круг ценностных ориентиров, жизненных сценариев, появляется базовая ценность свободы выбора и право на суверенную личность.

Город отныне становится центром потребления, переработки и трансляции информации, которая, будучи генерирована городским пространством, являет собой новый – «городской образ жизни», а вместе с ним и новые условия для самоопределения человека. В какой же среде происходит формирование человека современного города, и какие черты характеризуют его идентичность?

На сегодняшний день многие исследователи неустанно повторяют о кризисе становления личности в современном мире. Однако для более полного понимания причины этого явления мы склонны согласиться с О. Тоффлером, важно понять, что так необходимо личности для формирования чувства идентичности. «...Сегодня, всматриваясь в себя, люди из желания понять причину внутреннего дискомфорта испытывают муки комплекса вины. Они и не подозревают, что их ощущение – это субъект отражения всеобъемлющего объективного кризиса: они невольно играют драму в драме» [8. С. 215].

По мнению Е. В. Кармазиной, концепт жизненного пути (а следовательно, и форма самоопределения) современного человека изменяется по четырем направлениям:

- он осмысливается как особый сегмент времени, отделенный от жизненных циклов поколений;

- жизненный путь отделяется от пространственных характеристик;

- самоопределение проходит через более свободные от фиксированных и предписанных индивидуальных и групповых взаимозависимостей и связей;

- социальные ритуалы становятся вопросом индивидуального выбора [4. С. 205].

Психолог Эрих Х. Эриксон в своей работе определяет идентичность как жизненный нарратив – «субъективное ощущение некоторой воодушевляющей целостности и преемственности» [12. С. 192]. Для успешного самоопределения личности в окружающей ее социокультурной реальности принципиально важно удовлетворение трех ключевых человеческих потребностей: чувства общно-

сти, структуры и осмысления жизни. Однако, на наш взгляд, следующие качественно новые требования, предъявляемые современному человеку складывающейся урбанистической реальностью, подвергают сомнению наиболее фундаментальные категории традиционно сложившихся и единственно возможных условий для самоидентификации личности.

1. *Повышенная степень социальной, культурной и экономической мобильности.* В современном городском мире, где непостоянство, временность, скоротечность вещей и событий становятся нормой, одной из принципиальных черт городского образа жизни становится способность человека своевременно и адекватно реагировать на многообразные изменения постоянно обновляющегося городского пространства. Во многом это обусловлено приходом эпохи информации, высоким темпом жизни, повышенной событийностью городской среды. Революционно новое содержание урбанистической реальности формирует мобильную личность – готовую к перемене социальной группы, собственных интересов, пространственной локализации и т. п., что делает нормой массовую подвижность населения. В главе под названием «Как терять друзей» нашумевшего произведения американского футуролога Э. Тоффлера «Шок будущего» отмечается, что именно успешно реализовавшиеся в обществе люди, а не представители более традиционных профессий и образа жизни, проявляют мобильность в мире прагматичных и функциональных отношений [9. С. 135]. По сути, мобильность является одновременно и признаком урбанизма, и критерием формирования остальных специфических ему черт.

2. *Изменение качественного и количественного характера человеческих отношений.* Современная городская среда, в которой ежедневно приходят в соприкосновение громадные массы людей, ставит человека перед новыми вызовами. В результате слишком интенсивной физической и социальной стимуляции, свойственной городской модели, уменьшается число и содержательность социальных контактов. Так, на смену близких дружеских отношений приходят более поверхностные приятельские контакты, основанные на сходстве взглядов, жизненных ориентиров, человек проявляет

большую селективность при выборе партнеров и пр. Процесс индивидуализации, по мнению современного французского философа Жюль Липовецки, «окончательно определяется не социальной самобытностью, а разнообразием связей и контактов с коллективами с узкими интересами». Далее исследователь приводит в пример сообщества вдов, алкоголиков, секс-меньшинств и т. д. [6. С. 29]. Урбанизм же утверждает такой «ролевой», узко функциональный тип отношений как норму не только в больших городах, но и в малых населенных пунктах, деревнях.

3. *Унификация традиционных форм семейного института.* Традиционно семья являлась «корневой базой», непоколебимым тылом человека в изменчивой и неподконтрольной ему реальности. Семья несла в себе функцию формирования базовых моделей поведения в обществе, ценностных ориентиров и морали индивида. В тесном и прочном круге семьи у человека формировались представления о взаимопомощи, сострадании, доверии, справедливости. Классическая семья представляла собой многоступенчатую систему отношений: помимо родителей и их детей, в ее состав входили также и другие члены – старшие родители, дядя, тетка, двоюродные братья и сестры. В силу отсутствия профессиональной укорененности, географической мобильности, необходимых для «свободы маневра» в нынешней реальности, расширенная модель семьи постепенно сбрасывает «лишний вес», обретая новую типичную на сегодняшний день форму – нуклеарной семьи. Однако и такая облегченная версия семьи может стать не последним этапом ее упрощения. Постепенно более эмоциональная, альтруистическая модель отношений подменяется качественно иной – прагматично-утилитарной, удобной. Более того, фраза У. Шекспира «распалась связь времен» становится как никогда злободневной: увеличивается разница между поколениями, разрушается принцип преемственности, историческая память в мире постмодерна становится препоной, лишним ограничивающим свободу человеческого восприятия элементом. «Жить настоящим и ничем другим, вне связи с прошлым и будущим – это и есть та самая утрата чувства исторической преемственности» [6. С. 81].

4. *Отсутствие профессиональной укоренности человека в городе.* Наступившая урбанистическая культура с установкой на успешную карьеру, мобильность человека, рост специализации и, как следствие, повышение требований к квалификации работника – становятся причиной невозможности существования в городе «стержневых» профессий. При прежней системе общественного труда, когда индивид занимал фиксированную взаимными обязательствами позицию, человек находился в устойчивой структуре отношений, организационном каркасе, основанном на долгосрочном сотрудничестве. Вырабатывая условия сосуществования, работники и работодатель проникались убежденностью в устойчивости режима, а следовательно, получали уверенность в сегодняшнем дне и возможность ожиданий, планов на будущее. Складывающиеся новые формы организации труда базируются все на том же принципе мобильности, краткосрочности, немедленного реагирования и изменения.

По мнению Р. Сеннетта, именно ориентация на непривязанность и неукоренность изменяет традиционную модель трудовой этики. Управленческая деятельность выстраивается по принципу открытых горизонтальных сетевых структур, заменяющих наличие института шефства, а значит, и персональной ответственности, на более гибкую форму «делегирования» полномочий, «командного принятия решений» и т. п. Временность рабочего места обеспечивается «реинженерованием», обновлением компьютерного оснащения и т. д. «Возможно, коррозия характера – это неизбежное следствие этой нестабильности. Девиз “Ничего долгосрочного!” дезориентирует действия, рассчитанные на длительный период, ослабляет связи доверия и причастности и отлучает волю от поведения» [7. С. 32]. Таким образом, усложняется, а точнее, становится практически невозможным выстраивание жизненного нарратива, осмысление себя как личности через призму деятельности, классического профессионализма.

5. Характеристикой современного урбанизма постепенно становится *свобода выбора, сверхизобилие способов найти и потерять себя.* В этой ситуации поиск идентичности поменял свой облик и содержание. Если существование человека в общинной структуре

не вызывало особых проблем с процессом идентификации, поскольку он проходил через осознание принадлежности к семье, роду, коллективу, то уже с приходом промышленной революции, дифференциацией общественных структур ситуация в корне изменилась. Период научно-технической революции, индустриализации, результатом которой стало появление промышленности, явился причиной формирования феномена «массовой культуры» – унифицированного стандартного набора культурных образцов вещи, деятельности, духовности и т. д.

Урбанистическая культура с ее тяготением к универсализации, упрощению, индивидуализации традиционных форм, несомненно, являла миру новую идеологическую установку культуры масс: «выход в люди», «будь как все». Однако уже следующий ее более сложный, ускоренный, зрелый этап породил динамичный, мозаичный, плюралистичный мир города, узаконив отсутствие центральных культурных ориентиров в эпоху постмодерна. На смену набору общепринятых исторически сложившихся ценностей истин приходит постоянно меняющийся «сменный набор» ценностей. Так, родовая, сословная и классовая принадлежности были вытеснены наличием многообразия субкультур, стилей жизни. Ж. Липовецки называет этот период концом золотого века индивидуализма: «...возникает индивидуализм, освобожденный от социальных и моральных ценностей... семьи, революции и искусства, свободный от всяческого преходящего окружения; сама частная сфера меняется, поскольку находится во власти одних лишь меняющихся желаний индивида» [6. С. 79].

Таким образом, фрагментарный характер урбанистического мира, одноразовость ценности и многообразие норм – персонифицировались в новом типе человека – *маргинале* – человеке-призраке, мимолетной фигуре «постороннего» З. Баумана (подробнее см.: [1].) В условиях, когда объективная реальность представляет собой «коллажную» основу со множеством эталонных групп, субкультур, ценностно-этических систем, противоречие структуры приводит, по мнению Т. Шибутани, к маргинализации человека – возникновению состояния амбивалентности, бытия на грани в силу отсутствия морального стержня, иерархической системы

ценностей, утраты социокультурной укорененности в обществе (подробнее см.: [10. С. 467–469]). Находясь по обе стороны рубежа, маргинал в то же время не присутствует ни на одной из сторон. Маргинализованный индивид склонен видеть в действительности желаемое, тяготеть к культуре, приукрашивающей действительность, опираться на сугубо частное ощущение свободы, что подтверждает реальность господства «одномерного» («счастливого», но слепого) сознания Г. Маркузе. Сознание маргинала страдает постоянными попытками выстроить разрозненные фрагменты опыта в целостную систему взглядов, норм, ценностей. Оставаясь бессильным перед обезличенным духом метрополии, перед «ризомным» миром постмодерна, он лихорадочно пытается самоопределиваться, найти и организовать хотя бы часть той вселенной, которая ему подконтрольна. «Налицо буквально беспрецедентная демократизация: каждого призывают позвонить на коммутатор, каждый хочет поделиться своим интимным опытом... каждый желает быть услышанным... но чем больше люди стараются выразить себя, тем меньше смысла мы находим в их выражениях; чем больше они стремятся к субъективности, тем нагляднее анонимность и пустота» [6. С. 31].

Таким образом, мы можем говорить о качественно новом содержании городского человека – маргинале – инфантильном в отношении к социальному миру, но обманчиво серьезным по отношению к своему Я. Такой человек маргинален неспособностью осознать «пограничность» своего положения, что делает его всегда уязвимым, легко ведомым и вечно сомневающимся.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
2. Вальденфельс Б. Одновременность неоднородного: Современный порядок в зеркале большого города // Логос. 2000. № 3–4.
3. Вебер А. Рост городов в XIX столетии. СПб.: Кускова, 1903.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2000. № 3–4.
5. Кармазина Е. В. Философия свободы и проблема идентичности. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006.
6. Лиотар Ж.-Ф. Эпоха постмодерна. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998.
7. Липовецки Ж. Эра пустоты или эссе о современном индивидуализме. СПб.: «Владимир Даль», 2001.
8. Сеннетт Р. Коррозия характера. Новосибирск: Тренды, 2004.
9. Тоффлер О. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
10. Тоффлер О. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
11. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969.
12. Castells M. The Castells Reader on Cities and Social Theory. Blackwell Publishers, 2002.
13. Erikson E. H. Identity: Youth and Crisis. L.: Faber and Faber, 1974.
14. Lasch Chr. The Culture of Narcissism. N. Y.: Warner Books, 1979.

Материал поступил в редколлегию 17.11.2007